

Беседовала
Римма ХРАМЦОВА

КОНСТАНТИН

«Я накинулся на русскую классику только после того, как закончил школу...»

Арбенин

Константин Арбенин родился в 1968 году в Ленинграде. В 90-е годы стал широко известен как лидер группы «Зимовье зверей», созданной в 1995 году. Поэт, прозаик, драматург. Автор стихотворных сборников, романа в тезисах «Дон Гуан как зеркало мировой революции» (2001). Стихотворные тексты Константина Арбенина вошли в антологии «Современная литература народов России» (2003), «Поэты русского рока» (2005). Книга Константина Арбенина «Заявка на подвиг», вышедшая в 2011 году в издательстве «Время», возглавила список «50 книг года» по версии «Независимой газеты».

– Вопросы к Вам будут в первую очередь как к автору текстов. А сами Вы кем себя в первую очередь ощущаете – поэтом, музыкантом, автором песен?

– Как у автора песен и музыканта у меня очень часто берут интервью, а вот как к автору текстов ко мне обращаются гораздо реже. Возможно, это вообще моё первое интервью в таком качестве. Во всяком случае, для издания, относящегося именно к литературе. И это мне даже приятно.

Я всегда стремился к тому, чтобы просто заниматься творчеством, без узкой специализации – разными его видами. Потому что мне многое интересно. Для меня всё это – способы выразить своё отношение к миру и разобраться в себе самом. Но все эти области – так получается – каким-то боком всё равно связаны с литературой. Точнее сказать, берут от неё начало. В том числе и песенный жанр. Просто я пользуюсь чуть большим набором средств, чем другие литераторы, и могу перемещаться из одной области творчества в другую – у меня нет строгого порта приписки. Что тоже, по большому счёту, не оригинально, а очень даже вписывается в русскую литературскую традицию.

– Музыка – способ популяризации, позиционирования поэзии или она важна сама по себе?

– Сама по себе. Музыка вообще не может быть способом, она самодостаточна. Но музыка всё-таки помогла популяризации моего остального творчества – это безусловно, хотя получилось всё совершенно спонтанно.

– Надеетесь ли Вы на то, что будут услышаны те адресные послания, которые песнями не стали?

– Не знаю, не думал об этом. Мне кажется, что сейчас мои песни и мои стихи как бы уравнились в весе, они, по-моему, одинаково востребованы. После концертов одинаково спрашивают и диски, и книжки. В некотором смысле песня находится в «худшем» положении, чем стихотворение. Стихи прочтут три человека, но два из них вникнут, почувствуют и примут то, что хочет им сказать автор. А песня – послушают её сто... даже пятьсот человек... А многие ли из них почувствуют и поймут авторский посыл? Стихи читают только настоящие любители стихов, которые увлечены поэзией всерьёз и понимают её, умеют чувствовать. А песни слушают все, большая часть слушает их не ради вот этого самого посыла, а просто – как музыкальный номер, как фон, как модное что-то, по инерции, за компанию. Стихи редко читают по инерции и за компанию, это очень интимный процесс. У песни другая природа – более демократичная, что

Фото предоставлено
К. Арбениным.

Куплеты старухи-процентщицы

Во дворе петербургском колодезном
Раздаются стенанья шарманки.
Я лежу в полумраке болотистом
На скрипучей своей оттоманке.

А в болото моё
Только ступишь ногой –
И вовек не уйдёшь, не отцепишься.
А ведь я не Яга,
Не колдунья с клюкой,
Я простая старушка-процентщица.

Заходите ко мне – посидим опосля,
Я вполне компанейская тётушка.
А квартера моя – на двери два нуля,
А меж ними такая вот черточка.

Ваши вещи беру на хранение,
Чтоб иметь с ваших душ дивиденды.
Я стара, но ко мне, тем не менее,
Иногда даже ходят студенты.

Был вчера тут один,
Всё глазел, как шпиён,
Нечто прятал, бродяга, подмышкою.
Ну а я ему в лоб:
«Мне топор не нужён, –
Лучше сбегай, дружок, за сберкнижкой».

Я, ей богу, ему поддала два разка:
Пусть в другой раз, пролаза, не пыжится!
А квартера моя – на двери два глазка,
И посередке латинская ижица.

Я практична, умна, обязательна,
Но для дела сыграю и дуру.
И не зря изучают писатели
Мою вечно живую натуру.

Приходил тут один,
С головой не в ладах,
Описать обещался в романчике.
Но меня не проймёшь –
Я ведь дама в годах –
Все писатели, знамо, – обманщики.

Мне милей векселя – в них иная строка
Посильнее любого там Фауста.
А в квартеру мою – два коротких звонка
И меж ними длинная пауза.

Пусть стекают богатства несметные
В мой сундук, как в бездонную чашу.
Я бессмертней Кашея Бессмертного –
Я над златом цвету, а не чахну.

Хоть ножом меня режь,
Хоть сатирой сражай,
Всё одно – ничего не изменится.
Я опять соберу
Ваших душ урожай,
А шарманка их смелет, как мельница!

Заходи же ко мне, и матёрый, и тля,
Всех ко мне заноси, лысый чёртушка.
А квартера моя – на двери два нуля,
А меж ними наклонная чёрточка.

ли, публичная. Даже у песни с текстом – всё равно, даже авторскую песню, даже поэтический рок большинство людей слушают, не вслушиваясь, не вживаясь.

– Уверена была, что Вы выпускник филологического факультета. Но прочитала в аннотации к книжечке стихов, что закончили только среднюю школу. Правда ли это? Потому что видно, что русская классика живёт внутри Вашей поэзии. Такие шуточные куплеты старухи процентщицы не могут появиться, если роман прочитан по касательной, Ивикова стая не может просто так встать именно на это место в стихотворение, где она появляется. Вся Ваша «Утренняя элегия» – сплошной интертекст...

– Может быть, именно благодаря моей необразованности я так внимательно отношусь к культуре. Я не люблю учиться. К сожалению. Окончив школу, я почувствовал, что больше не хочу ничему ни у кого учиться. Только – у великих. И продолжил читать книги – у которых я и учился всю жизнь. Сейчас я иногда испытываю сожаление по поводу своей неучёбы – какое-то количество знаний мной, конечно, недополучено. Зато, с другой стороны, все знания, которые у меня есть, я получал и получаю сознательно и заинтересованно, а не из-под палки. В моей любимой пьесе Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся» есть прекрасный монолог главного героя Лёни Шындина – про думающих дураков. Вот я всегда его вспоминаю. Я, кстати, всех отсылаю к фильму Татьяны Лиозновой, поставленному по этой пьесе, – фильм очень толковый. Вот там герой признаётся, что он – думающий дурак. Иными словами, человек, которому не дано понимание всего как бы сразу, априори. Он это понимание добывает сам – с большим напряжением своего неразвитого и не заполненного образованием мозга, с трудом души... И чем больше он тратит на эту добычу сил, тем ценней она для него. И он уже не будет добытым разбрасываться, разменивать по пустякам – это его богатство. А рядом живут люди «умные», «образованные», которые этими знаниями и пониманиями пренебрегают, – для них это такая повседневная ерунда, ценность которой они не чувствуют. У Гельмана всё лучше сказано, точнее, – надо обратиться к первоисточнику. Но я всё это говорю к тому, что я как раз – из думающих дураков.

Я тоже добываю знания по крупицам, но зато получаю от этого такое удовольствие, так благодарен, что эта информация приходит ко мне! А если бы я учился в институте, то наверняка львиная доля знаний прошла бы мимо меня – как некая обязательная программа. А раз обязательная, то, значит, неинтересная. А так я до сих пор помню, как я искал, что такое «ивиковы журавли», – тогда ещё Интернета не было. Спрашивал у людей, перерыл кучу книг, пока нашёл. И так с каждым всплывшим в сознании понятием, строкой, персонажем... По песчинке, по песчинке – смотришь, напёрсток знаний набрал. Да не просто для коллекции, а чтобы что-то в себе понять, потому что всё, что описано в книгах и о чём рассказано другим образом, происходит с нами и имеет отношение к нашей жизни. И Ивик, и Одиссей – всё это наши внутренние герои, все их судьбы каждый человек переживает в себе. Просто не каждый отдаёт себе в этом отчёт, не каждый замечает. Даже если у него есть образование.

– В связи с предыдущим вопросом очень интересно: всё, что связано с литературой, завязалось узелком в школе? Есть ли воспоминания об уроках литературы?

– Нет, как это ни печально, но литература вошла в меня не через школу, а, может быть, даже во многом вопреки ей. Просто случилась любовь – к литературе. И этот роман развивался параллельно школьным занятиям. Я даже не знаю, что подтолкнуло, но... Как сейчас помню: конец лета 76-го, последние дни перед началом моего первого учебного года. Я вдруг решаю собрать все книги, которые есть в доме, и поставить их вместе. Получается где-то половина обычной полки в серванте (книжного шкафа у нас вообще не было) – это включая брошюры и какие-то кулинарные методички. И я думаю: почему у всех книг так много, а у нас дома так мало? Это же такая хорошая вещь! И тут меня охватила страсть к книгам. Сначала – именно к книгам, читать я начал гораздо позже. И я стал

Интервью у классной доски

Увертюра

Пушкин всякий. Пушкин разный.
Пушкин с венком и нимбом.
С топором и пистолетом.
С бакенбардами и лысый.
При регалиях и без...
Только разве ж это Пушкин?!
Это ж так - игра природы,
Видимость изображенья.
Сам ты Пушкин -
Вот в чём соль!

Детство

Мальчика звали Пушкин.
Был он кудряв и чёрен -
Правнук прямой Ганнибалов.
Ну а в душе - поэт.
Мамы его любили.
Папы его обожали.
Няньки ему умилялись.
Дядьки же так рассуждали:
"Махонький гад, да шустрый!
Знать, далеко пойдёт".

Лицей

В Лицее Пушкина не ждали -
На что им нужен был поэт
С таким нечистокровным рылом
В своем прославленном лице!
Но он туда тайком пробрался
И притаился в сени муз.
То был Союз, и город Пушкин
(По мужу - Царское Село).
Его заметил там Державин
И походя благословил.
Потом другие набежали:
Примазались, опохмелились -
И приняли к себе в Лицей.
И стали лучшими друзьями -
Поэты Пушкинского Круга!
А он простил им, он же видел:
Хоть Царское, да всё ж Село!

уговаривать родителей купить ту или иную книгу в магазине, сам что-то высматривал в киосках, в букинистических, просил дарить на дни рождения только книги... Библиотека, которая у меня сейчас дома, вся собрана мной. Не маленькая, в общем-то, объём уже критичен для нашей квартиры. Но зато она не стоит без дела – мы все её пользуем, все читаем: и жена, и дочь, и я.

А что касается школы... Я, наверное, сейчас крамольные вещи буду говорить, совсем не для вашего журнала, но скажу всё-таки. Я не читал то, что проходили по программе, но поскольку у меня какое-то врождённое чувство литературы, то я всегда получал пятёрки. Я просто как будто бы знаю все эти произведения, могу о каждом рассказать, если вызывают к доске. Это был формальный момент. Как-то так: литературу я знаю, хотя конкретных книг не читал. И не потому, что не хотел, а потому что у меня на это не было времени. Потому что в школьный период я читал другие книги: Дюма, Стивенсона, Честертон, Конан Дойла, Сименона, Ильфа и Петрова. Мне нравились всякие авантюрные вещи – «Петербургские трущобы», «Князь Серебряный». Русскую классику я как бы по внутренней договорённости с собой отложил на потом – когда прочитаю приключения, вот тогда примусь за Толстого и Гончарова. Я всегда к ней с уважением относился, но почти не читал, за малым исключением.

– А что это за исключение?

– Я всегда любил Пушкина и Чехова. Причём Чехова я читал много, а отношения к Пушкину были настоящей такой платонической любовью – непонятно, за что и почему. Потому что, кроме сказок, ничего я толком Пушкина не читал, но любил его страстно. Да и сейчас люблю.

Для меня всё началось с «Каштанки» – в раннем детстве. Это и было, наверное, начало любви к литературе. Я потом в разном возрасте перечитывал эту вещь, она очень сильная. Есть ведь такой штамп, что «Каштанка» – это такая ерунда, для детей. А почитайте – это самый настоящий Чехов, самая настоящая русская литература. Чехов – не просто самый любимый, а самый перечитываемый мной писатель. Чехова можно перечитывать сколько угодно. Как и Пушкина. Пушкина я, правда, не перечитываю, а заново открываю каждый год. Как-то так повелось, что я постоянно что-то выискиваю ещё не читанное мною у Пушкина, и каждое новое его произведение – это событие в моей читательской жизни.

А первой большой книгой, которую я прочитал по программе, было «Преступление и наказание». Это произошло случайно: я болел, неделю лежал в постели и как-то само собой прочитал его. И мне настолько понравилось, настолько сильным было впечатление, что я, во-первых, просто влюбился в Достоевского, а во-вторых, тут же получил «двойку» – первую в жизни по литературе. То есть такой вот парадокс: за первое прочитанное и понравившееся произведение я схлопотал «пару». С одной стороны, парадокс, а с другой, если учитывать школьную систему, то всё очень логично: у меня появилось личное отношение к этому произведению, и я не смог сказать о нём то, что принято говорить, отвечая урок, меня стали коробить все эти казённые формулировки и общие фразы. Я воспринял судьбу Раскольникова как что-то очень близкое, даже личное. И тут же получил по мозгам.

А вот когда я школу закончил, тут-то я и накинулся на русскую классику. И скажу так: такого удовольствия, какое я испытываю, читая русскую классику, я не испытывал от чтения никогда. Есть книги, которые для меня просто как такой код к мурашкам по телу и воспоминанию самых упоительных моментов, моментов читательского наслаждения.

– А что это за книги, если не секрет?

– «Мёртвые души», «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», «Господа Головлёвы», «Обломов», «Обыкновенная история», «Мелкий бес»... Позже – «Жизнь и судьба», «Котлован», «В круге первом», «Раковый корпус», «Белые одежды»... Это самые сильные читательские переживания. Я люблю читать книги, после которых ты чувствуешь, что изменился. Поэтому я читаю редко, но только те книги, которые, считаю, нельзя не прочитать.

Пушкинские горки

Что за прелесть эта няня!
 Дайте, что ли, кружку ей!
 Пусть нам сказки почитает
 Или песенку споет!
 А потом мы сядем в сани
 И поедem в Заповедник –
 Постреляем графоманов
 Родионовне на шапку!
 Гейченко уху нам сварит,
 А с Довлатовым мы выпьем, –
 Я скажу ему: «Я Пушкин.
 Я, конечно, мало прожил,
 Но зато я, друг Довлатов,
 Трёх царей со свету сжил!»

*Из поэмы во фрагментах
 «Пушкин мой» (1998)*

– Вы назвали произведения исключительно русских писателей. Это не случайно?

– Феномен русской классической литературы, на мой взгляд, заключается в том, что она, при всей своей глубине, не скучная! В этом её отличие от западной литературы – американской, европейской. Там, если писатель пишет серьёзную книгу, вдумчивую, психологическую, то это получается безумно скучно. Особенно французы этим отличаются. А если не скучно, то, значит, это какое-то лёгкое чтиво: детективы, приключения или фантастика. В этом мейнстриме западные писатели очень хороши и обходят наших на сто очков вперёд. Очень немногие зарубежные авторы находят золотую середину – говорят о важных вещах в лёгкой, внешне увлекательной форме: Дюрренматт, Воннегут, Лем, Сэлинджер... Мне кажется, их можно по пальцам пересчитать, да и то все – из XX века.

У русской литературы наоборот: если уж она берётся за лёгкий жанр, то очень скоро его перерастает и из него выпрыгивает в серьёзную литературу. Если, конечно, речь о настоящих писателях. Взять, к примеру, Стругацких, – ну это же совсем не развлекательная фантастика, её же надо осмыслять, через душу пропускать, это же глубочайшие исследования тайн человеческой души! Хотя начиналось всё с вещей занятно-приключенческих. То же самое с братьями Вайнерами, их поздние вещи – это уже и не совсем детективы, это серьёзнейшая литература. Горинсатирик перерос в Горина-драматурга... И так на каждом шагу. Так что русская литература – это уникальное явление, выходящее за рамки чтения и уроков литературы.

– Ваши стихи вписаны в традицию русской литературы, их нельзя назвать экспериментальными в области формы. Были ли такие периоды, когда Вам было интереснее КАК сказать, чем ЧТО?

– Нет, не было. КАК меня никогда по большому счёту не занимало, а если и занимало, то только как второстепенная функция – по отношению к ЧТО. Я ещё в школе, когда стал сочинять первые стихи, понял, что я – в традиции, что мне интересен традиционный стих, я прямо так и говорил себе: я продолжаю традицию. Это было изначально заданным условием, естественным образом вытекающим из моих литературных пристрастий. Я отдавал себе отчёт, что в чём-то это путь ущербный, но на эксперименты меня не тянуло.

– Понимали ли Вы в какие-то периоды Вашего творчества отчётливо, что вот здесь Вы – подражатель того-то, а в другой – того-то?

– Нет, я никогда не стремился никому подражать. Возможно, из-за безграмотности – я очень плохо знал поэзию, когда начинал писать стихи. Я стал их писать не потому, что решил стать поэтом, а просто потому, что они стали во мне рождаться, сами по себе. А на что это похоже – я понятия не имел. Я тогда из всех поэтов знал только Пушкина и немножко Баратынского. Долгое время я только их и читал. Ещё я Маяковского чуть-чуть читал, но он мне тогда не нравился. Потом был период, когда в общественное сознание вошёл Бродский. Он был повсюду, от него нельзя было укрыться. И я поддался этому общему настроению, пережил период увлечения Бродским, и – его влияние, конечно, было, оно в нескольких стихотворениях чувствуется. Но потом случилось непредвиденное: я прочитал Пастернака. И вдруг понял, что одно единственное его стихотворение «Рождественская звезда» как бы вмещает в себя все многословные стихи Бродского. Наверное, не стоит так говорить, но у меня было именно такое ощущение, и после этого я к Бродскому потерял личный интерес. Пастернак его затмил. Не стану говорить, что Бродский мне вообще не нравится, но он как бы встал в один ряд с другими гениями эпохи, которых – к нашему читательскому счастью – довольно много в нашей литературе. Гораздо больше, чем только Бродский. А когда я подошёл к главным своим маякам – Самойлову и Левитанскому, я уже слишком сложился как поэт, чтобы как-то менять стиль или вообще склоняться к подражательству. Но зато они меня научили очень важному: стихи могут быть не абстрактно-философскими, а конкретно-жизненными, «приниженными». Я всегда не любил поэзию Серебряного века, а тут понял,

Интервью у классной доски

Транзитная пуля

Уже отлита пуля,
Уже открыт транзит,
И бриг из Ливерпуля
Гольфстримами скользит.
В уютную каюту
Запрятан мёртвый груз,
Пять выстрелов в минуту
Отсчитывает пульс.

Уже под низким небом
Кармический покой,
Уже – Борис за Глебом,
Ерёма за Фомой...
И ивикова стая
Курлычет свысока,
И коротка прямая
От дула до виска.

Уже сырой землёю
Засыпаны ходы,
И Мебиус петлёю
Лизнул сухой кадык.
Магические знаки
И среди них – курок...
И солнечные знаки
Ласкают бугорок.

* * *

Зверобой и следопыты,
Ваши подвиги не забыты:
Кочуют по русской прерии
Могикане от пионерии,
И вписаться в процесс норвят
Последние из октябрят.

за что – за её абстрактность, холодный, «звёздный» символизм. И в этом смысле для меня Самойлов и Левитанский – продолжатели Пушкина, который тоже гениально умел находить поэзию в жизни, в её повседневных мелочах и сиюминутных впечатлениях. Повлияли ли они на меня стилистически – не знаю. Тут, мне кажется, со стороны виднее.

– Обращаются ли к Вам начинающие авторы за советом? Если да, то как Вы выходите из этой трудной ситуации?

– Постоянно обращаются. Это большая проблема, поскольку я совершенно не считаю себя вправе давать кому-то какие-то советы – это во-первых. А во-вторых, меня это удивляет, потому что я сам никогда ни к кому за советом не обращался. Я, скорее всего, именно потому и достиг хоть чего-то в творческом плане, что мне с самого начала было абсолютно безразлично, что думают о моём творчестве другие. Если я знал, что написал хорошее стихотворение или хорошую песню, то никто не мог меня убедить в обратном. И наоборот – если я чувствовал, что вот тут схалтурил, что-то не доработал, то, какие бы хорошие слова об этой вещи ни говорили, я не успокаивался, переделывал и дорабатывал её, пока не появлялось чувство собственного удовлетворения. Это мне очень помогло в жизни, потому что я не слушал всех этих авторитетных дураков, которые говорили: это никуда не годится, это никому не нужно, бросай это всё и не пиши больше никогда. Вот... И я каждый раз как-то индивидуально придумываю ответ – в зависимости от того, каким образом у меня просят совет. Единого рецепта у меня нет. Но последнее время я просто игнорирую такие просьбы. Просто потому что уже устал придумывать эти ответы. Вот просто – устал. Лень тратить на это время. Тем более что я заметил такую вещь: если человек действительно делает что-то стоящее, то он с этим никогда не лезет – ему оценка не нужна. И они, эти действительно талантливые люди, сидят где-то в тени, и каким-то образом вдруг случайно что-то попадает на глаза – ты видишь это и начинаешь сам разыскивать человека, который это создал... Потому что зацепило и заинтересовало, потому что хочется ещё, хочется разыскать его и показать другим, поделиться находкой. А те, кто приносит, вручает, оставляет координаты и навязчиво ждет совета – как правило, это всё мимо. Как правило. Есть, конечно, исключения, но я что-то таких сразу и не припомню...

– Сегодня литература окончательно превращается только в школьный предмет. Почему, с Вашей точки зрения, она выпала из поля актуального? Ощущаете ли Вы это? Может, это не страшно? Может, это естественный процесс?

– А мне так не кажется. Может быть, я живу в такой среде, где люди читают... Мне кажется, что, скорее, литература как школьный предмет выродается. Вот это меня больше беспокоит. А вот то, что принято считать кризисом литературы, на мой взгляд, является лишь кризисом книгоиздательства. Литература существует, она актуальна. Только очень мало издательств понимают в ней толк. Посмотрите список книг издательства «Время» – и сразу станет понятно, что современная литература есть, что она никуда не пропала.

– В одном из стихотворений у Вас есть слова «последний из октябрят» – Вы из этого поколения? Вы себя ощущаете наследником культурной традиции вообще или человеком определённой эпохи?

– Наследником, который живёт в определённой эпохе. Это два необходимых измерения для каждого художника, как мне кажется. Если одного из них нет, то ничего путного не создашь. И моё поколение – вот то самое поколение «последних октябрят». У меня до сих пор где-то внутри горит эта октябрятская звёздочка – то ли в сердце, то ли во лбу... Но на ней, конечно, не Ленин изображён, а некий сказочный герой. Скорее всего – Алиса Селезнёва; то есть то наше октябрятское «Прекрасное далёко», которое оказалось таким неоднозначным. И вот этих булычёвских октябрят осталось-то очень мало. И именно в этом причина моего конфликта с собственным поколением. Октябрята оказались не нужны социуму. Но зато они позарез нужны культуре и вообще – человечеству, эпохе. Без нас не выжить.

Полуфинал

Всё проходит, Мона Лиза,
Провисают паруса,
И финал поэмы близок,
Как чужие голоса.

Всё проходит, донна Анна,
Ложь и смерть, добро и зло.
Если с неба валит манна,
Значит, снова повезло.

Всё проходит, Беатриче,
Всё уходит в чепуху...
Я застал судьбу с поличным
И предал её стиху.

– Ваша фамилия кажется псевдонимом – слишком литературна. Откуда она у Вас?

– Фамилия у меня самая натуральная, вовсе не псевдоним. Но у неё есть история, причём очень литературная история. Дело вот в чём. У моих родителей фамилии были весьма специфические, неблагозвучные: у мамы – Безрук, у отца – Лапуха. И, когда они поженились и решили обзавестись мной, они подумали: какую бы из наших фамилий мы ни дали ребёнку, его будут дразнить, как и нас. Тогда они решили взять другую фамилию. Стали они перебирать свои родовые фамилии, а там – что ни фамилия, то ещё хуже, чем Безрук и Лапуха. Поискав, родители поняли, что надо брать совершенно постороннюю фамилию, например, из литературы. А отец очень любил Лермонтова и предложил найти что-нибудь у него. Решили, что Печорин – это будет перебор, а вот Арбенин – это в самый раз. Тем более, что маму мою звали Ниной, и получалось, что она становится полной тёзкой героини «Маскарада» – Ниной Арбениной. И вот мои родители отправились в ЗАГС, заплатили 10 рублей и сменили фамилию. Им выдали документ, что отныне они Арбенины – Юрий и Нина. А когда они вернулись домой и сообщили об этом моей бабушке, та схватилась за голову! «Да вы с ума сошли! – говорит. – Мы же Платоновы!» А бабушкина девичья фамилия действительно была Платонова, и весь её род – род Платоновых, выходцев из псковской губернии. Но мама и отец про это совсем забыли, когда подбирали фамилию, именно эту, лежащую на самом видном месте, – упустили. Тогда они тоже схватились за головы и побежали обратно в ЗАГС. Говорят: «Мы сегодня поменяли фамилию, но мы перепутали и поменяли не на ту. Хотим ещё раз поменять, на другую!» В ЗАГСе им говорят: «Нет уж! Если хотите ещё раз поменять, то платите ещё 10 рублей!» А денег у них больше не осталось. И пошли мои папа и мама несолоно хлебавши домой. Да так и остались с тех пор Арбениными. И я у них родился уже именно Арбениным. Хотя мог бы быть Платоновым. Но мне кажется, это удача, потому что Платонов в русской литературе уже случился, а Арбенина ещё не было, – я первый.

– Кого Вы считаете своими учителями?

– В общем, это уже упомянутые здесь люди – в основном, писатели. Чехов, Гроссман, Самойлов, Левитанский, Окуджава... Зощенко, Эрдман, Шварц. Любимый мной Михаил Вольпин – великолепный сказочник, сценарист и поэт, исследованием жизни которого я занимаюсь уже несколько лет.

– Какие пять книг надо обязательно прочитать подростку-юноше-девушке?

– Мне легче сказать, что я бы настоятельно рекомендовал своей дочери. И то без нажима, как я обычно и пытаюсь делать. Так вот, я бы очень хотел, чтобы она прочитала – когда станет чуть взрослей – «Повесть о Ходже Насреддине» Леонида Соловьёва, потому что эта книга в весёлой и увлекательной форме затрагивает очень важные жизненные темы и называет вещи своими именами. «Легенду об Уленшпигеле» де Костера. Повесть Виктора Драгунского «Он упал на траву». Рассказ Солженицына «Для пользы дела» – это очень честный разговор об отношениях взрослых и детей в обществе. И, конечно, «Войну и мир» – но когда она, дочь, будет чуть взрослее. Это очень субъективный и спонтанный список, который не всем подходит.

– Как бы Вы объяснили кому-нибудь, зачем нужна поэзия? Или литература? Или искусство?

– Если очень грубо и кратко – чтобы поддерживать баланс между добром и злом. В том смысле, что если бы не искусство, то зло бы давно перевесило, а искусство напоминает людям, что добро есть, что к нему надо стремиться и жить во имя него. Вот так я для себя когда-то сформулировал. А ещё я часто вспоминаю Нобелевскую лекцию Бродского – в ней очень хорошо об этом сказано. И ещё есть лекция Александра Мирзаяна, я видел её в видеозаписи, и на меня его слова произвели просто какое-то возрождающее впечатление. Будь моя воля, я бы ввёл эти две лекции – Бродского и Мирзаяна – в школьную программу, потому что мне они видятся ключевыми для понимания смысла и сути искусства, и к тому же – очень доступными по форме.

В оформлении статьи использованы фрагменты картин Р.Магритта.

